

Александр ЛИВЕНЦОВ

Александр Ливенцов родился в 1982 году в Москве. Окончил университет связи и информатики, работал программистом, визуализатором в архитектурном бюро. Ведет литературный блог «Была такая книжка» (фейсбук). Публиковался в журналах «Октябрь», «Новый Берег», «Юность» и др.

РАССКАЗЫ

Ты тоже

Началось с предисловия к «Идиоту». В одном из писем Фёдор Михайлович поведал, что задумал изобразить «вполне прекрасного человека», и этот образ, невозможный, по словам классика, очаровал меня. Во всяком случае, и йога, и цигун, и бесконечные установки праведной жизни приключились со мной уже после.

Учения и практики наслаивались друг на друга, быт мой в пару лет преобразился. Родители первые углядели неладное, но мне шёл третий десяток, жил я отдельно – что они могли: явился словом перекинуться – уже праздник. Лишь мама сетовала, откуда эта дурь – не лучше ли вместо неё семью и нормальный офис, а не бесконечное волонтерство. В её глазах я исхудал, имел нездоровый взгляд; балахоны мои она звала «корой», отросшие волосы – «патлами»; речей моих боялась и изредка просила сходить в церковь. Я хранил спокойствие, ведь так и подобало реагировать на меня обывателю.

В тот вечер я возвращался домой на электричке с толпой волонтеров – вместе мы трудились на благо затяжного фестиваля сыроедов. Многие, как и я, жили в Фетюшках, но, выйдя на станции, я дожидался, пока гурьба схлынет, а сам шёл следом – один, чтобы никто не мешал моему сосредоточенному покою.

Не считая пары развилок, дорога тянулась через лес по прямой, но люди и тут умудрялись заплутать. Кто-то трижды выходил к одному и тому же дереву, другой спутал все лесные приметы и опять оказался на станции. Отец и вовсе повстречал на лесной тропе соседа и мило прогулялся с ним до опушки у города, где сосед неведомым образом исчез, а в городе оказалось, что тот с утра опохмеляется дома. Я не судил этих людей. Что с них взять, коли ум спутан и жизнь проходит в излишествах.

Шагая под сенью леса, я прилаживал две части мантры ко вдоху и выдоху. Небо ещё не угасло, но кроны померкли; зелень в глубине леса куталась дымкой. Повяло хвоей, хоть ельник ждал меня лишь в середине пути.

Неожиданно налетел ветер, да такой, что стало не по себе. Я пошёл быстрее, чеканя в уме мантру. Следом и вовсе началась чертовщина: свист, хохот на разные голоса, в ладоши кто-то хлопал, хоть близко и души не было. Я сбавил шаг, а новый порыв ветра принёс и топот коней, и колокольчик, и даже гармонь – того гляди, промчится тройка. Под скрип деревьев я поспешил, твердя мантру уже вслух, и тут увидел, что нагоняю человека: низенького, невероятно широкого в плечах и во всём теле – почти квадратного. Уж было не разминуться.

– Здорова, мужик, – сказал он мне, и я оторопел.

Шло это чудо с палочкой – обычной веткой, ловко загнутой под руку. Одежды я не разобрал: шелушилось что-то. Костей под серой кожей, казалось, нет вовсе, точно у туго набитой плюшевой игрушки. Шло существо босиком – шаги откликались глухими ударами, как если бы рядом заколачивали сваю, земля проминалась и лезла меж его пальцев. Волосы спускались по пояс седыми прядями то в зелень, то в рыжину. С белого,

как береста, лица смотрели такие же белёдые глаза, правый больше левого; они не моргали, бровей и ресниц не было.

– Здравствуйте, – промямлил я, еле различая собственный голос за стуком сердца.

– Я гляжу, ты один, – не смотря в мою сторону, означил попутчик, – всегда один. Я тоже один. Всегда один.

Шагал он переваливаясь, словно закидывая вперёд то одну, то другую ногу. На миг вздумалось кинуться прочь, да не было веры, что убегу, а только хуже сделаю.

– И бубнишь без умолку, всегда бубнишь, – добавило нечто, обернув ко мне своё невыносимое лицо.

В глотке пересохло, я сглотнул и сипло вымолвил:

– Это... фраза такая – мантра.

– Зачем это?

– Чтобы сосредоточиться... не думать ни о чём.

– Зачем не думать? Зверё не думает – ты ж не зверё.

– Да, – согласился я. Я б с чем угодно согласился, только бы не гневить чудище.

В теле его что-то постанывало, посвистывало.

– Не понимаю, мужик, зачем не думать? Каждый день туда-сюда ходишь, бубнишь. Вдохнул – одно, выдохнул – другое, и так всю дорогу. Это ж как хотеть надо – не думать.

На плечо его слетела птичка, скакнула, как в дупло, в широкое белое ухо и сгнула там. Вместо неё по древесной ноге сполз уж и утёк в кусты.

– Не молчи, мужик! Объясни толком.

– Думать, да... полезно... – залепетал я. – Но много лишнего в уме. Хочется... очистить.

Мой попутчик почесал голову, прогудел что-то и спросил снова:

– Ну, очистишь, и что?

Так же мыслила и мама. Но обычные высокоэкзистенциальные ответы теперь были не к месту, и я мгновенно совершил идейную выжимку, на которую не был способен все последние годы:

– А приятно будет. Хорошо.

– Хор-р-рошо, – тархтя, повторило существо. – Чё ж ты один такой? Чё вы все так не ходите, не бубните?

Ей-богу, мама говорила его устами.

– Не все знают, что так можно, – поведал я. – И не просто это, чтоб все...

– О... не просто, значит. Не просто.

Из нутра его зазвучал дивный протяжный свист, на который откликнулись все птицы в округе: заголосили так, что казалось, листья с деревьев посыплются.

Набравшись духу, я спросил:

– А вы кто?

– Леший я, леший. Боровик, лесовик, моховик, шатун, манило, водило – всё я. Даже полевой – я. Даже пушечик. И Велес я. И водяной, и болотник. Всё – я. Всё, всё – я!

– И домовый? – зачем-то ляпнул мой рот.

Тут леший на глазах почернел, кожа сморщилась корой, волосы высохли, точно пакля. Повернувшись ко мне, он громогласно изрек:

– Нет! Домовой не я. Разве я так говорил?

И топнул ногой. Упало две берёзы; одна поперёк пути. Подойдя к ней, он ласково погладил ствол, обратно побелев при этом, затем поднял берёзу, так что ступни его ушли в сырую землю, и аккуратно уложил несчастную вдоль края тропинки, после чего обернулся ко мне:

– Пойдём, мужик.

Ноги сами пошли.

– Ещё большаком зовут, кожедёром, костоломом, но ты не бойся. То брехня. Я не злой.

– Вы меня не съедите? – спросил я.

– Тебя? Кости с говном? Тут столько вкусного, – похвастался леший и обвёл чашу рукой.

Руки его спускались почти до колен. «Пропорции... просто другие пропорции...» – вместо мантры твердил я в уме, точно в этом было что-то простое или успокоительное.

– Твои тут толпой ходят – смрад висит. Пьют, курят, мяса объедаются – несёт изортов. Не мяса даже – понять не могу чего, раньше такого не было. Скока живу – не чуял. А мне знаешь скока?

Леший глянул на меня, и я замотал головой.

– Ты и мер таких не знаешь, – он отвернулся. – Что вы там едите, мужик? Объясни, я в толк не возьму. Вонь такая, что по спине мурашки. Вам самим не страшно?

– Это так не объяснишь. Химия... – сказал я, сознавая, что это слово ему чужое.

– А, ясно, – кивнул леший, и длинные пряди его качнулись у пояса. – Нового понаделали, что б вкусно было. Потом болит.

– Именно.

– Никогда от тебя такого духа не слышал. Тебе что – невкусно?

– Вкусно, но... опять же... и голову засоряет.

– Вон оно, – леший качнулся и со скрипом принялся чесать макушку. Из тины волос полетела мошкара. – Эко у вас грязи в голове много.

Прошли полпути.

Над закатом небо ещё голубело, а с другой стороны стояло непроглядно чёрное; мерцали крошки звёзд. Далеко впереди сквозь стену леса пробивались огни фонарей. Птицы смолкли, ни звука кругом, и оттого ещё громче слышалась какофония, сопровождавшая шаги лешего: и скрип, и точно листва шумела, и что-то в нём без конца переливалось, мяукало, трещало сверчком.

Обогнув ельник, мы вышли на прямую тропу. Запах хвои чуть успокоил меня.

– Ты, поди, и слов скверных не знаешь? – спросил леший, глянув на меня своими разными глазами.

Пугало, что они не моргали. Всё я, кажется, мог принять: и что один больше другого, и отсутствие бровей, и невозможную белизну. Но они не моргали, и это заставляло меня отворачиваться.

– Знаю, – отозвался я, пригибаясь под веткой.

– Знает он, – леший захихикал, присвистывая. – Видать, и то себе запрещаешь. Всё запрещаешь. Невозможный ты человек.

Я молчал.

– С месяц назад ты сидел там, в сумерки, – он указал длинным замшелым пальцем в сторону дуба, скрытого в чаще. – Зачем? Никто так в лесу не сидит. Ноги заплёл, глаза закрыл, напрягся весь. Зверьё на тебя тарашилось – не понимало.

– Я... медитировал.

– Это как?

– Так же, как повторять мантру, только сидя и с закрытыми глазами.

– Опять чтоб в башке чище стало, – скучно отметил леший. – Чё ж вы все не сидите, коли оно так здорово. Ходите, смердите, гогочете. Жизни от вас нет.

Из головы его закаркало, как если бы у него на плече сидела ворона.

«Убьёт... не съест, но убьёт», – сквозил страх.

Сквозь дымку ночных облаков проклюнулся месяц.

– Не люблю вашего брата. Порубите деревьев, кинете – лежат, гниют. Реки сушите – гниют. Хлестну человечка веткой по морде – радуюсь, – леший потёр загрубевшие, вмиг почерневшие руки, послышалось, будто кора о кору скребёт. – А что хорошего? Чему радуюсь, когда живому по морде веткой? Оно ж – боль.

– Это из-за вас тут люди теряются? – озарило меня.

– Балуюсь, да. Страсть как люблю. Поводить могу, близким прикинуться, другом, женой – смешно очень. И говорить не надо – сами домыслите, ссоритесь сами с собой, – посыпался сухой смех, точно треск веток. – Не люблю вашего брата. Не люблю. И ты не любишь.

Тут он замер и обернулся ко мне. До выхода из леса осталось всего ничего: уже гудели машины с трассы, огибавшей наш город, а фонари проступали сквозь листву оранжевым пунктиром.

– Не любишь людей, – он поднял палец, и мох на нём окрасился жёлтым светом. – Ни разу тебя с ними не видел. Всегда один, опосля. Дождёшься, отстанешь. Не любишь их.

– Не то чтобы не люблю, а...

– Грязно тебе от них. Да? От них тебе в голове грязно. Я понял. Всё понял. Объяснил ты мне.

Последнюю полосу леса прошли, сосны качали верхушками. Леший проводил меня до опушки, пока тень деревьев скрывала его от фонарного света, и встал у ствола сосны, похожий на него неотличимо. Подняв уже не руку, а ветку, он указал на тропу в город. Я пошёл, боясь оглядываться. Перед глазами стояла эта ветка с пучком иголок на конце.

Но не успел я дойти до трассы, как в спину заголосила кукушка, а вместе с ней полетел и свист, и лай, и бубенчики прошлого века, и прокатился по оврагу меж лесом и городом ветер – вскинул мои волосы и дёрнул назад. Я обернулся – ничего не увидел за чередой сосен, но знакомый голос крикнул мне:

– Мужик, а может, ты тоже леший?

Я помогу

Боря ещё и ждал эту маршрутку. Взять бы пивка, закурить на ступеньках магазина, пойти пешком – тепло, закат. Он почти верил, что вот-вот передумает, но когда маршрутка подъехала, и народ повалил в неё, Боря пошёл вместе со всеми, протиснулся к окну и полез за мелочью. Внутри ждало ровно то, чем он отговаривал себя в пользу прогулки: духота и окно, заклеенное снаружи рекламой. Напротив села молодая мать с сыном – тот поедал булку; сбоку плюхнулся парень с пивом и сухариками.

– Передайте, пожалуйста...

Из соседней маршрутки водителю помахал усатый коллега.

– За двоих, пожалуйста...

Боря уставился в окно, но видел только отражение. Из стекла смотрело крупное сорокалетнее, слегка удивлённое лицо. При двухметровом росте он не имел солидности. Издали его громоздкий вид впечатлял: таких видишь в числе спортивной команды, но присмотреться – тело сонное, заплывшее; поесть любил, хоть гурманом не был. Изредка, с офисными, шли в ресторан, что поближе – этих выездов Боря ждал и, взяв меню, не скупился. Выбор блюда, а к нему двух поменьше, стало большой радостью. После шли в кино, было скучнее. Школьные друзья опостытели, но и с ними он раз в год виделся, и это тоже сообща скрашивали походом в кабак.

«Как-то всё жалко... – неожиданно легко заключил Боря, но в окне пронеслась легковушка с хохочущими девочками, и он добавил: – У меня».

На остановке народу прибавилось, но сзади подкатил широкомордый автобус и согнал маршрутку, так что боковая дверь доехала в пути.

«Работа?.. Не люблю работу. Нормальная, но лямка, – загнул палец. – Друзей подмыло, когда решили раз в год встречаться. Родители... родители стареют».

Вечерами одурманенный Боря сидел перед монитором: мог играть полночи, или мотать ленту, или до тошноты блуждать по ютубу. В середине вечера делался антракт, и с пустой подсохшей тарелкой Боря заглядывал на кухню.

Здоровье не расклеилось, ещё со школы помнилась пузатая больничная карта. И всё равно домашняя аптечка в детстве была меньше нынешней. Боря догадывался, что пьёт лекарств больше, чем остальные в офисе: во-первых, кого бы что ни беспокоило, он знал средство, и подешевле; а ещё офисные вечно забывали пить своё вовремя – Боря наработал режим приёма и сбоев не допускал. Сейчас он возвращался от гастроэнтеролога, но попал и к мануальщику, оба выдали по два направления. В бумажнике убавилось на одну любимую купюру, вторая уйдёт в аптеке.

«Что ж так скверно? – приуныл Боря. – Даже не пойму, кто мне помог бы? Личный тренер с кнутом на весь день?»

Парень слева хрустел и прихлёбывал: к бутылке он прикладывался редко, растягивая на всю поездку. Дух пива с сухариками и дразнил, и был противен. В окне нёсся микрорайон, согретый последним солнцем.

«Надо просто взять и... Взять себя в руки!» – Боря сжал кулаки.

Ведь умел упрямитесь по делу – потому в школе, за вьедливость, вместо Корнеева его звали Корнем. Потому и поступил сам, сам откосил, и всё-таки наладил карьерный рост. Ещё Боря начал писать книгу, но... не вышло, застрял – и до обидного быстро. Взяться за себя, помимо прочего, означало именно вернуться к рукописи.

«Если б кто заставил меня собраться – ей-богу, я бы смог! Меня и направлять не надо, только лишнее усечь!» – уверовал он и подпёр голову рукой.

Сумерки зажгли гирлянду фонарей и вывесок, синие небеса гасли, зелень набухла – бог раскрасил вечер палитрой вангога. Долю секунды Боря ощущал что-то чистое, величественное, даже совестно стало, что не замечал этой красоты раньше. Но на повороте колесо маршрутки поймало камень – Борю подкинуло, и в ничтожную секунду невесомости он увидел в окне громадный билборд со словами: «Я помогу». Тот возвышался в центре поляны, вокруг которой загибалась дорога. Обычно он темнел немой серой стеной, а теперь даже подсветку включили.

Самым странным было то, что всё – от ватного облака в небе до крошек на лице пацана напротив – с жаром излучало это самое «Я помогу». Плюхнувшись назад, Боря так и сидел остаток пути, согретый волшебным чувством. «Я помогу, я помогу...» – вторил он, прикидывая, что сейчас кто угодно может написать на билборде что угодно, лишь бы денег хватило.

Меж тем дома начались странности: сосиски и пельмени укутала нежная серо-голубая плесень, а вафлями и халвой пировали муравьи, что вообще было впервые. Осталась одна овсянка, и то на воде – молоко, несмотря на годный срок, скисло. Последняя сигарета, как назло, сломалась, должно быть, в маршрутке, когда подкинуло. Стоя у окна, пока варилась овсянка, Боря любовался лоскутами алых облаков на дне неба – пытался вернуть то тёплое чувство, напитавшее его в маршрутке.

Когда же, по доброй вечерней традиции, он снёс тарелку к монитору, выбило электричество. Вернувшись с лестничной клетки, он махнул рукой на невзгоды дня и пошёл спать.

Забегая вперёд, надо сказать, что следующим вечером Боря вышел из маршрутки заранее и побрёл вдоль дороги к поляне с билбордом. Узкая тропа вела вдоль забора, фонари только занялись. На месте Боря пересёк поляну и обогнул билборд; пока шёл, затаил дух и до последнего не поднимал глаза. Рекламная гладь серела без каких-либо надписей и подсветки. Послонявшись на месте, Боря несколько раз подолгу смотрел на билборд и, уходя, трижды оборачивался, будто мог что-то не разглядеть.

Чудеса начались тем же утром.

Будильник затрещал в полседьмого и с этого дня стоял на том, не поддаваясь никаким настройкам. Обычно Боря продирает глаза на час позже. Он сонно повернул будильник в руках, выключил и откинулся на подушку, но тот не унялся. Пришлось встать.

Вода из душа полилась прохладная – никакого любимого «кипяточка». Завтрак составила вчерашняя овсянка. Все каналы кроме «Культуры» потонули в чёрно-белом шуме. В будущем, вообще, разогревалась исключительно каша на воде – заправленную молоком плита не грела, как и яичницу и прочие холестеринные излишества. С того же дня Боря забыл и о удобстве микроволновки: лишь по крайней необходимости, в рабочие часы высшие силы делали поблажку, чтоб не оставить без тёплой пищи.

Любая вредная еда, без разницы, как упакована – хоть пакет чипсов – не открывалась. Что только ни вытворял Боря с этими проклятыми чипсами. Забытая приятелем, в кладовке лежала дрель – и царапины не оставила; гвоздь не удавалось вбить; ножницы и кусачки тупились. Вскрытию не поддались ни консервы, ни кетчуп, ни коробка конфет. И пиво, и кола, независимо от тары, были запаяны намертво.

Сидя посреди кухни, обложенный инструментами, точно мастерила скворечник, Боря нервно смеялся.

При посторонних чары спадали: коньяк отвинчивался, сигарета поджигалась. В своём заоблачном пункте управления ангел хихикал и потирал ручки, предвкушая игру посложнее. Позволить себе сигарету или глотнуть коньяка Боря мог исключительно на глазах свидетелей, но если в рот ему в ту секунду никто не смотрел, коньяк прилипал к стакану и наружу не лился. С досады Боря стучал по стакану, и коньяк выплёскивался в лицо. Если удавалось-таки проглотить или вдохнуть немного удовольствия – глоток или вдох застревали в глотке, заставляя кашлять до слёз.

Впрочем, основная масса вредного не пробивалась на кассе. Первые недели, пока спорить с небесами не надоело, Боря набирал полную телегу обычной дряни и негодовал, что кассы висят именно на нём. В офисной столовой история продолжалась: выбирая между гречкой и куском пиццы, он законно опасался, что второе не пробьётся.

В дальнейшем холодильник и вовсе не открывался без утренней физкультуры. Объяснить помог телевизор: включал спортивный канал. А на остановке Боря неизменно провожал взглядом уходящую маршрутку, что означало идти пешком; в дождь гуманно подходил автобус.

Компьютер и мобильный перестали грузить бестолковые сайты. Боря списал это на глюки, но они утвердились весьма избирательным запретом: смешные картиночки, ютуб, болтовня в мессенджерах и соцсети – отсеивались вчистую, либо сводилось к столь ничтожным порциям, что не стоило начинать. Время, уходящее на метро, отводилось чтению: планшет загружал лишь текст.

Зато уже в первую неделю дважды отпустили с работы пораньше – отвезти бумаги в другой офис. Эти часы высвобождались для прогулки на свежем воздухе, и избавь бог сесть на лавку: налетят птички, помёт не отстирается.

За социальные провинности имелись свои кары. Стоило промывать кости коллеге, и Борю немедля вызывало на ковёр начальство. Стоило наругать, пусть даже в смс – и по пути домой Боре оттапывали ноги. За ленивый отказ от ежегодной встречи с институтской группой, да поперёк тому, что тут же отпустили с работы – Боря подвергся натиску звонков: все, кому не лень, от родителей до банковских клерков взяли за него без передыха. Лишь попросив бывшую старосту всё же записать его на встречу, Боря унял обезумевший телефон.

Поправки ждали и вечернее время. В тот первый злополучный день, устав воевать с чипсами, голодный и напуганный Боря обнаружил, что и холодильник уже не открывается, и чайник не закипает, а спустя полчаса в квартире погас свет и обесточилась вся техника. От нажатия кнопки на системном блоке распахивалась створка книжного шкафа.

Наконец перед сном Борю ждала обязательная медитация. Свои пожелания ангел разъяснил через интернет – ссылки на основы йоги валились градом. Стоило лечь, не посидев в позе лотоса, и свет мигал, а телефон трезвонил. Когда же минуло время, и Боря поостыл, и перестал видеть над собой один кнут, в первую очередь он благодарил небеса именно за медитации, прогнавшие из жизни бессонницу. Уже по личной инициативе он начал медитировать и по утрам тоже.

Следующим, на что Боря пошёл без указки свыше – записался в секцию айкидо; обещали, что три пота будет сходить, что растянут лучше, чем в балете. Новый виток эволюции толкнул наладить отношения с родителями: выбирая один будний вечер, Боря навещал их и через долгие беседы с трудом раскачивал в стариках хорошее настроение.

Другие вечера он проводил на балконе: закат оседал бордовым илом, огни улиц дрожали и гасли по одному с приходом ночи. Согласие с незримым покровителем казалось почти осязаемым – руку протяни, и её обдаст теплом. Тяжелее всего было хранить тайну. Точно стеклянным колпаком секрет отделил Борю от остальных, даже у родителей он сидел за этим проклятым стеклом. С иной стороны тайна возвысилась... если медитация не помогала, и Боря томился бессонницей, он думал о своей роли и не мог остановиться, вертя в уме одну и ту же мысль: «Кому больше дано, с того больше спросят».

А засыпая под утро, он видел один и тот же сон. В нём Боря колесил на маршрутке вокруг поляны с билбордом. Дорога была закольцована, вдали угасал микрорайон. Сзади у билборда, как у телевизора, имелось два шнура толщиной в водопроводные трубы – питания и антенна. Питание уходило в землю, а антенна – в облачную высь. С лицевой стороны горели два слова, те самые. Смотреть на них долго было тяжело, Боря отворачивался, но в салоне ему охотно кивали, подтверждая: «Да, тебе помогут!»; особенно парень с пивком и сухариками.

Не в силах видеть их смешные серьёзные лица, Боря переносился на поляну и шёл босиком к билборду. Холодная влажная трава лезла меж пальцев, но ногам было жарко. И Боря делал шаг за шагом, а билборд так и оставался впереди в паре метров, не дотянуться. Хотелось просто тронуть его, встать рядом, но только обида росла.

Просыпаясь, Боря спускался к пруду кормить уток – вошло в привычку с недавних пор. Выбирая, которой кинуть очередной хлебный мякиш, он снова и снова чувствовал, что высшая воля по-прежнему с ним, и об этом по-прежнему никто не знает... это было невыносимо.

Тот вечер мало отличался от остальных: выйдя из метро, Боря купил в магазине простокваши и ржаного хлеба, а дома первым делом ополоснулся. Но поел наскоро, ни читать, ни медитировать не стал, а прямо на кухне сел за подсчёты; даже ноутбук не принес, обошёлся бумагой и ручкой. Режим последних месяцев освобождал четверть времени ежедневно. Главную прибавку дала ликвидация отходняков, неважно из-за пивка накануне, сигареты на ночь или недосыпа. Когда же с болячками уйдут регулярные посещения врачей, четверть станет третьей.

Ещё тёплый сентябрьский ветер распахнул фрамугу, Боря поднял лицо от своей бухгалтерии и с минуту глядел меж темнеющих многоэтажек. Сумерки отмыли пыльное дневное небо, краски лежали густо.

Следом он полез считать, сколько времени утерялось за сорок лет мутной жизни, и оказалось – целая половина. Да что половина – с нынешним стержнем внутри, да с раннего детства, эти утерянные часы, дни и годы были бы вовсе не ровня минувшим.

Сквозняк бил форточкой о раму.

Цифры отрезвили Борю, как холодный укол. Без абстракций и слепых пятен в уме оформилась идея учения, которое привело бы человечество к настоящей полноценной жизни. Какой могучий рай оно развернуло бы на земле, знай, что знает Боря.

Стекло дрожало от ударов форточки – вечерний, уж не такой тёплый ветер тянул в окно. Упоенный работой, Боря проигнорировал погасший в квартире свет, а с ним и прочие обязательства перед своим ангелом. В припадке креативности рождались догмы учения, каждая являлась главой будущей книги. Когда, взывая к нему, в квартире заголосили телефон с телевизором, и замигал свет – Боря выдернул вилку телевизора из розетки, вынул из мобильного аккумулятор и продолжил писать, рассчитывая на благосклонность небес.

Всесильный запрет отступил. Так показалось.

Глубокой ночью, распалённый вдохновением, Боря чертил схему продвижения через ютуб. Вся в колючих стрелках, она походила на план захвата. Не мешало и выступать поучиться, и лицо занять повнушительней – есть же гимнастики для подбородков и щёк. Вдобавок хотелось... но тут холодный ночной порыв дал форточкой о угол проёма, стекло осыпалось, колючий звон заставил очнуться, и Боря понял, что это весточка от ангела.

Первым, что он увидел, разлепив глаза под злую трель будильника, была стена против кровати. На обоях мельтешила тень рябины под ветром. Когда Боря поднялся с постели и всмотрелся – тени замерли в безветрии и отчётливо написали по стене: «Ты слишком много возомнил о себе»

Сразу по прочтении ветер оживил рябину, и слова распались.

С того утра небесные санкции над Борей были сняты. Злой будильник остался последним голосом той волшебной поры. Утром же стали доступны и горячий душ, и яичница на завтрак; в метро, пожалуйста – смотри сериал; позволялось сплетничать, тонуть в интернете, и никаких проблем с чипсами.

Сперва Боря, как назло, соблюдал устав по самой строгой мерке. Но душу распирало чувство сильнее любых обязательств. В чём бы он ни отказывал себе, свято веря, что за правое дело, но жгла и жгла обида, что его оставили, что провинился, много взял на себя. И вечером вторых суток, раскрыв сумку, Боря взялся выгружать яства на стол: батарею пива, одну, чтоб культурно, осанистую бутылку коньяка, нарезку, оливки, морковку по-корейски, селедку с дымком, пиццу с салями и прочее. Сбоку возвышалась кола, окружённая кондитерской застройкой. Чипсов не захотелось.

– Будем мстить! – отбарабанив дробь по ребру стола, Боря прикурил и сладко затянулся.

Час спустя его речь наполнилась сумбурным несогласием:

– Зачем тогда это было?..

...ради бодрости? Благодати? Хороших анализов?..

...чего ради?!..

...бухать, допустим, лишнее...

...и курево, и игры эти...

...я ж только за...

...но мыслить?!..

...это тоже лишнее?!..

Склоняясь над остатками селёдки, Боря мотал засаленной головой – в один час она стала грязной, волосы спутались, липли друг к другу.

– ...ковать меч и хоронить в ножнах?..

...я ж не амёба...

...они думают, я амёба...

...а я докажу...

...я теперь знаю...

Роняя на пол корки пиццы, проливая селёдочное масло, Боря затягивался и выдыхал через нос, как умирающий дракон на пепелище.

– Нет! – кулак падал на стол, блюда вздрагивали. – Нет, Боря не согласен!

Сказав это, он допил остатки коньяка, направился в комнату, кое-как отыскал маркер и двинулся на обои, где утром была тень рябины. «Я не согласен», – крупно вывел Боря, но не рассчитал, и финальное «н» пришлось перенести через угол на соседнюю стену. Зато было место для восклицательных знаков.

Как оделся и вышел из подъезда, он не помнил: сигареты с коньяком взял, и ладно. Фонари прочертили улицу, по ней катили редкие маршрутки. Одна приютила Борю – в ней, как в невесомости, он домчал до места, избегая смотреть на попутчиков, чтоб не видеть их сухариков и крошек от булки. Пьяную вечность Боря вился кругами у поляны, пока, наконец, не пошёл босиком по её траве – холодная, сырая, она лезла меж горячих пальцев.

– Я помогу, блин! – грозил Боря билборду. – Не знаю, сколько надо бабла снять тебя на день, но я достану! Костями лягу!..

...я не согласен!..

...завтра же встану не в полседьмого, а в шесть...

...без пятнадцати шесть!..

...сам!..

...завтра же!..

Зря будильник звенел с полседьмого.

Первым, что, проснувшись в полдень, увидел Боря, если сиплый стон и полуоткрытые затёкшие глаза говорили о пробуждении, – была изгаженная стена: поперёк неё криво тянулось «Я несогасен», достроенное косым забором восклицательных знаков. «Н» перекинулась на боковую стену, «л» отсутствовало.

Боря пошевелил пальцами – это было самое безболезненное, что он мог позволить себе. Нутро крутило, всё в нём повисло на ниточках и мучительно ныло, если не дай бог качнётся. Во рту кисла горечь рвоты, вспомнилась дыра унитаза, и Боря с трудом подавил отрыжку. Он лежал одетый, ноги в ботинках набухли. Маркер и недопитый коньяк валялись в углу, где по стене через угол загнулось «н». На кухне горел свет, временами трезвонил мобильный; думать о работе не было сил.

Вскоре на мобильном звякнуло напоминание о вечернем айкидо.

«Ну, ну... спляшем», – откликнулся ум.

Уже загорались фонари, когда Боря спустился в аптеку купить спасительных таблеток и обезболит себя сразу двумя. Лишь к десяти вечера, упившись кофе, он протрезвел, сел за кухонный стол, посмотрел в ночь через разбитое стекло форточки и предельно ясно понял – либо сегодня же, сейчас же, он сядет за великий труд для заблудших масс, либо планы останутся планами. Как никогда Боря чувствовал вызов и даже отвернулся от окна, что б ночь не лицезрела его, похмельного.

Первым делом перепечатал список глав – хватило на два листа. Точно в ночном колодце, не видя дна, Боря спускался по строкам и ещё час пытался определить момент,

когда они стали чужими ему. Всего-то двое суток прошло, а пустые напыщенные фразы ничем не откликались в душе. Единственным возможным решением казалось перечисление всего, что было запрещено Боре, но это тянуло лишь на пост в фейсбуке, и то его следовало сдобрить картинками.

Пепельницу забили бычки и чайные пакетики. Второй час дался тяжелее – Боря решил писать прямо с первой главы, с первого слова. Спасал оставшийся коньяк и вторая пачка сигарет. Третий пошёл с полуночи и к финалу принёс свой малый, но важный плод. С приятной усталостью Боря положил пальцы на клавиатуру, поднялся курсором над предполагаемым текстом, увеличил шрифт до двадцатого кегеля, отцентрировал и напечатал: «Я помогу»; выделил жирным.